

УДК: 323.3:658.8

Л.А. ГАЙНУТДИНОВА

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: 1150 ЛЕТ УСТОЙЧИВОСТИ

Гайнутдинова Людмила Александровна – доктор политических наук, профессор кафедры Гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г.Разумовского (МГУТУ)

В статье, посвященной 1150-летию юбилею российской государственности, анализируются основы ее многовековой устойчивости. Ключевыми факторами этой устойчивости являются: многовековое расширение границ ввиду крайне неблагоприятного внешнеполитического контекста; мобилизационный тип развития политической системы для достижения чрезвычайными средствами чрезвычайных целей; абсолютная монархия как политическое устройство, оказавшееся способным осуществить комплекс жестких военно-бюрократических мер, а также принятие православия, ставшего основой русской идентичности и политико-идеологическим основанием российской государственности.

Ключевые слова: российская государственность, политическая система, устойчивость, мобилизационный тип развития, абсолютная монархия, православие.

У статті, присвяченій 1150-річному ювілею російської державності, аналізуються основи її багатовікової стійкості. Ключовими чинниками цієї стійкості є: багатовікове розширення кордонів, зважаючи на вкрай несприятливий зовнішньополітичний контекст; мобілізаційний тип розвитку політичної системи для досягнення надзвичайними засобами надзвичайних цілей; абсолютна монархія як політичний устрій, що виявився здатним здійснити комплекс крутих військово-бюрократичних заходів, а також прийняття православ'я, що стало основою російської ідентичності і політико-ідеологічною підставою російської державності.

Ключові слова: російська державність, політична система, стійкість, мобілізаційний тип розвитку, абсолютна монархія, православ'я.

In the article which is dedicated to 1150-year anniversary of national identity in Russia the basis of its centuries-long stability is being analyzed. Key factors of its stability are: centuries-long expanse of borders due to extremely negative foreign policy context; mobilization type of development of political system for achievement of extreme goals with extreme methods; absolute monarchy as political organization, which was able to execute a range of hard military-bureaucratic measures; in addition arrival of Orthodoxy which became a basis of Russian identity and political-ideological basis of Russian nationhood.

Key words: Russian national identity, political system, stability, mobilization type of development, absolute monarchy, Orthodoxy.

© Л.А. Гайнутдинова, 2012

История России – это в первую очередь тысячетлетняя жизнь наших предков, большинство из которых не оставило никаких свидетельств своего земного бытия. Кроме одного – Российского государства. И все князья, цари, императоры, генеральные секретари и президенты, управлявшие когда-либо нашим государством, не только подчинялись требованиям своего времени, но и следовали историческим традициям, которые делали всех их участниками единого исторического и политического процесса. В подобной логике исторической преемственности Указом Президента Российской Федерации от 3 марта 2011 года нынешний 2012 год объявлен годом празднования 1150-летия российской государственности. Когда-то инициатором празднования 1000-летнего юбилея российской государственности в XIX веке стал российский император Александр II. Шли великие либеральные реформы, которые изменили всю страну и предопределили тренд ее развития на долгие годы. Император Александр II считал, что реформы не только дадут стимул к подъему государства, но и помогут сближению власти и народа. По всей стране проводились широкомасштабные торжества. В 1862 году в Великом Новгороде был установлен памятник «Тысячелетие России» в честь тысячетлетнего юбилея легендарного призва-

ния в 862 г. варягов на Русь. В дальнейшем, из-за сложных исторических перипетий, которые переживала наша страна на рубеже веков, этот праздник был забыт.

Острая необходимость вспомнить свою историю настала в XXI веке, когда Россия вновь возрождается. Конечно, главную роль здесь сыграли политические причины. С исторической точки зрения – государство – как и любой другой организм – появляется, проходит этапы своего развития и может исчезнуть. Так распался Советский Союз, распались многие империи и государства. В принципе это нормальный процесс, повторяю с точки зрения истории. Для политиков и для целых народов распад государства – огромная проблема. Поэтому 1150-летний юбилей – хороший повод поразмыслить о том, что же представляет собой Государство Российское. Известный американский политолог Фрэнсис Фукуяма заметил в одной из своих работ, что общества начинают процветать только тогда, когда находят свое место в мировом сообществе в соответствии со знанием о себе. В мире найдется, пожалуй, немного народов, которые знали бы о себе меньше, чем мы – россияне, оторванные десятилетиями от своей подлинной истории и загниотизированные идеей собственной «непознаваемости».

Россию пытались «понять умом» многие заурядные и незаурядные русские и иноземные мыслители, ломавшие голову над скрытыми пружинами того необычного, что отличает историю России от истории других стран. Но однозначного ответа на вопросы о том, кто мы, что с нами происходило и происходит, в чем смысл нашего исторического пути – у нас так и не появилось.

У меня тоже нет ответов на все вопросы, но я попробую выделить главное: каковы основы многовековой устойчивости российской государственности?

Необходимость расширения границ Российской империи.

Рассматривая историю российской государственности, почти все исследователи приходят к однозначному выводу, что ключевым фактором становления российской формы государственности стал крайне неблагоприятный внешнеполитический контекст. Описывая политический строй Московского государства, великий русский историк Василий Ключевский отмечал, что этот своеобразный склад государственного порядка «объясняется господствующим интересом, его создавшим. Этим интересом было ограждение внешней безопасности народа» [5; с.121]. В то время как Западная Европа, начиная с VIII века, не подвергалась тотальным опустошающим внешним агрессиям, Россия значительную часть своей истории провела в оборонительных войнах. Русский историк и публицист Иван Солоневич писал, что «все одиннадцать веков нашей истории мы находились или в состоянии войны, или у преддверия состояния войны» [11; с.40]. Так, типичным для внешнеполитической ситуации Руси можно считать XIII век, когда она подверглась одновременному нашествию монголо-татарских племен, Литвы и Ливонского ордена. Русский историк, академик РАН Сергей Платонов пишет: «Наблюдая одновременное появление татар на Руси, наступательные действия против Руси новых пришельцев – рыцарей и старого врага - Литвы, мы можем сказать, что XIII век в русской истории – время создания той внешней обстановки, в которой впоследствии многие века действовало русское племя» [10; с.138]. Немецкий дипломат Герберштейн при дворе Василия III отмечал, что для Московии случайностью был мир, а не война [6; с.514]. Эти обстоятельства дали основание В.Ключевскому уподобить Московское государство вооруженному лагерю [5; с.181].

Необходимость защиты от внешних агрессий требовала высокого уровня военных расходов, что истощало и без того скудную государственную казну. Это было и в XVII веке, и в XVIII - в периоды петровских войн, когда военные расходы составляли три четверти всех доходов государства, и в наполеоновских войнах ущерб России превысил более миллиарда рублей, а людские потери составили 1,5-2 млн. человек [7; с.102]. Военные расходы периода Крымской войны почти вдвое превысили годовой бюджет страны. А последствия Русско-японской войны в начале XX века и неудачи военного участия в Первой мировой войне вообще поставили Российскую империю на грань экономического,

а затем и политического краха. В период Великой Отечественной войны непосредственно на военные нужды было использовано до 70% национального дохода [4; с.198]. Страна потеряла лишь по официальным данным 27 млн. человек, что несравнимо ни с чьими потерями в какие-либо времена.

Постоянный дефицит главного ресурса развития – финансового – определял качество и темпы экономического роста, а также негативно сказывался на развитии науки, образования и культуры, всей социальной сферы. Это обрекало население страны на техническое и культурное отставание от западноевропейских соседей [3]. Между тем именно с Европой, ушедшей вперед, была вынуждена конкурировать Россия как минимум для того, чтобы не стать жертвой более продвинутых соперников. Это лишь доказывает, что постоянная конкуренция с Западной Европой выступала не как прихоть российских монархов, а как условие выживания государства. Актуальность подобной конкуренции сохраняется и по сей день.

Таким образом, необходимость России к увеличению своей территории была одновременно и благом и злом. Громадность территории, с одной стороны, делала Российское государство уязвимым сразу на многих направлениях, а с другой стороны – требовало от агрессоров длительных военных экспедиций, заметьте, ведь не удался ни один «блицкриг». Это «страховало» страну от гибели даже после тяжелых военных поражений: возрождение было бы невозможно, не обладай Россия к началу XVII столетия обширной территорией. Динамика освоения территории в процессе создания будущей империи была беспрецедентной: к середине XVIII века территория России, по сравнению с Московским княжеством начала правления Ивана III, увеличилась более чем в 50 раз, составив шестую часть обитаемой суши. Тем самым Российская империя вышла по масштабу территории на второе место после Британской империи. Не случайно современные историки как российские, так и зарубежные считают процесс расширения Российской империи естественным способом ее самозащиты и одной из определяющих основ ее устойчивости. Однако, справедливости ради необходимо отметить: российская государственность формировалась под воздействием внешних угроз и вызовов, но без встречных завоевательных амбиций, подобная государственность не могла бы сложиться вообще.

Мобилизационный тип развития политической системы.

Бедность и необходимость содержать огромное войско, защищать огромную пограничную линию, отбиваться со всех сторон от врагов - вот два основных обременения в жизни Российского государства. В этой связи можно привести высказывание профессора Гарвардского университета, специалиста по России Ричарда Пайпса о том, что если Российское государство было беднее, чем другие, то «не вследствие политики, а вследствие географии: трудно разбогатеть на земле, половина которой находится в полосе вечной мерзлоты, а другая половина в полосе вечных нашествий изв-

не» [9; с.15].

Сочетание неблагоприятных демографических и природно-климатических условий, постоянные внешние угрозы в условиях дефицита практически всех значимых ресурсов развития: времени, финансов, управленческих и организационных навыков и т.п., на фоне конкуренции с далеко ушедшей вперед Европой – формировало ключевое противоречие между задачами государства, являвшимися, по существу, условиями выживания социума, и возможностями населения по их решению. Именно это противоречие стало определяющим всех периодов российского политического развития. Этот факт неизменно отмечали крупнейшие исследователи русской истории – Сергей Соловьев, Василий Ключевский, Петр Миллюков и многие-многие другие. О том, что в России существовало «коренное несоответствие между возможностями страны и ее потребностями» [9; с.37], пишет и Ричард Пайпс. Значение данного факта настолько велико, что позволяет ему сделать принципиально важный вывод: «Способ, которым было разрешено это затруднение, представляет ключ к пониманию политического развития России» [9; с.37].

И этим способом стала мобилизационная модель использования ресурсов посредством сверхэксплуатации населения и сверхнапряжения всех звеньев общественной системы. Эта схема использования ресурсов стала своего рода «отцовской матрицей» российского типа развития в отличие от западноевропейского инновационного типа, оперирующего достаточным объемом ресурсов. Как следствие – перманентное и повсеместное применение государством мер принуждения и насилия, обусловивших особую роль репрессивного аппарата как инструмента принуждения и насилия в политической системе мобилизационного типа.

Московский политолог Ольга Гаман-Голутвина пишет: «Мобилизационный тип развития российской политической системы стал инструментом достижения чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных организационных форм. Ключевыми характеристиками мобилизационного типа развития выступают строгая иерархичность целей, высокая интенсивность функционирования для скорейшего выполнения поставленных задач, жесткая, как правило, высоко централизованная система управления» [3; с.36].

И как следствие – инструментом организации принуждения стали жесткие политические системы и соответствующие политические режимы в истории России.

Историческим примером ограничения государством гражданских прав и свобод может служить крепостное право. Откуда оно в истории России – крепостное право? От той же бедности. «Крестьянина прикрепили, чтоб он кормил помещика, ратного человека, которого иначе бедное государство содержать не могло... Прикрепление крестьян – это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении» [12; с.432]. В.Ключевский показал, что география закрепощения крестьян совпадала с линиями обороны: там где угрозы внешних агрессий

были наиболее сильны, процент крепостного населения был максимальным. По мере удаления от очагов агрессий процент крепостного населения падал, а на поморском севере, счастливо избежавшем агрессий, крепостного права не было вообще [5; с.181]. И мы знаем, будь на севере России крепостное право – никогда в ее истории не появился бы великий помор Михайло Ломоносов, пришедший с рыбным обозом в Москву и ставший первым российским академиком, 300-летний юбилей которого мы отмечаем в прошлом году.

Это еще раз доказывает, что внутренняя несвобода в стране в виде крепостного права выступала платой – безмерно высокой – за независимость от внешнего врага. Сколько талантов из народной среды так и не получили никакой возможности пробиться и реализовать себя в обществе. Сергей Соловьев писал: «Тяжелым игом лежало кормление войска на народе; но оно избавляло от ига татарского, от поляков, от шведов» [12, с.628].

Поэтому беспристрастный исторический анализ российской государственности позволяет нам сделать вывод, что не самодурство и капризы властей вели к несвободе в стране, а новые национальные задачи: создать сильное государство на скудном экономическом базисе. Принципиально важно отметить вынужденный характер милитаризации общественных отношений в рамках российской мобилизационной модели развития, историческая результативность которого проявила себя в период смуты начала XVII века. Смута показала: отечественная милитаристская государственность в случае своего распада и при угрозе захвата иноземцами может воспроизводить себя благодаря тому, что присущая ей армейская организация жизни оседает в культуре в виде способности населения к военной самоорганизации в критических обстоятельствах (вспомним многочисленные так называемые «партизанские войны» на оккупированных территориях России). Потенциал такой самоорганизации оказался вполне достаточным в начале XVII века, чтобы восстановить обвалившееся государство и способствовать его упорядочению [1].

Абсолютная монархия.

Но не только географией можно объяснить многовековую устойчивость российской государственности. Одним из главных средств стала абсолютная монархия – политическое устройство, оказавшееся способным осуществить комплекс жестких военно-бюрократических мер, которые обеспечили целостность России перед лицом технически превосходящего противника: закрытие границ, принятие на службу некоторого числа высокопрофессиональных иноземных военных-наемников, создание сословия прикрепленных к земле служилых людей – казаков и постоянное стремление отодвинуть границы от жизненных центров государства. Таким образом, используя методы управления, доступные авторитарному обществу, военно-политическая элита Московской Руси сумела трансформировать и мобилизовать общество для защиты его интересов, т.е. осуществить то, чего не смогли сделать ни инки, ни ац-

теки, ни турки-османы, ни Великие Моголы, ни императоры династии Цин. Они погибли, а их государственность осталась лишь фактом далекой истории.

Это позволяет нам быть однозначными в своих оценках – россияне преуспели, так как на протяжении многих веков сумели сохранить – в отличие от остального неевропейского мира свое государство, опираясь при этом только на собственные ресурсы и уникальную политическую систему. Ведь трудно не согласиться с тем, что лучшее государственное устройство для любого народа – это то, которое сохранило его как целое.

Многие историки могут упрекнуть меня в схематизме, исключая другие периоды, в том числе и советский период государственности. Нет, советский режим не отбросил весь политический опыт России. Он тоже заимствовался, но крайне избирательно, с существенными коррекциями и лишь в той мере, в какой такое заимствование, с одной стороны, способствовало упрочению милитаристско-репрессивных основ советского строя, а с другой – придавало ему привлекательность в глазах мирового сообщества. Авторы коллективной монографии «История России: конец или новое начало?» пишут: «Под оболочкой нового общественного идеала скрыто присутствовали почти все идеалы предшествовавших периодов, начиная с киевского, но одни из них были ориентирами практической политики, а другие – фасадом, камуфлирующим ее суть» [1; с. 481].

Принятие христианства.

Принятие христианства в 988 году князем Владимиром стало важным шагом к повышению устойчивости российского государства. Несмотря на то, что оно не смогло предотвратить распад первой русской государственности – Киевской Руси, не заблокировало разрушительные центробежные тенденции, оно, безусловно, помогло существенно продвинуться по пути государственного строительства и оставило будущим поколениям духовный задел, без которого им вряд ли удалось бы исполнить выпавшую на их долю историческую работу.

Христианство принесло на Русь абстракцию единого для всех населявших ее племен и этносов Бога. Возникли и начали осваиваться народным сознанием обобщающие абстракции – «Русь», «Русская земля». Будучи предельным, всеохватным обобщением, абстракция эта выводила древнерусского человека за границы его локального мира, а ее освоение, по мнению выдающегося ученого XX столетия Дмитрия Сергеевича Лихачева, способствовало «возникновению исторического сознания и ощущения своей связи с окружающим Русь миром, с мировой историей» [8; с.19]. Православие стало консолидирующей народной религией, основой русской идентичности.

Христианизация Руси – первая попытка прорваться в общемировое культурно-историческое пространство. Завоевание веры князем Владимиром можно рассматривать не только как начало христианской истории страны, но и как выбор определенного способа ее развития, которому суждено будет надолго пережить Киевскую Русь. В

страну пришли письменность и письменная культура, создавалась и развивалась литература, которой не было в дохристианский период, появились первые письменные своды законов, возникли библиотеки, складывался слой ценителей книги. Строительство храмов и монастырей создавало предпосылки для формирования отечественной архитектурной и иконописной традиции, а в самих монастырях возникали школы летописания [1; с.402]. Все это способствовало упрочению государственности, подводило под нее культурное и политико-идеологическое основание, которых раньше она была лишена.

В чем же феномен России?

Каждый новый этап исторического развития России ставил перед ней новые задачи. И она их решала. Проводились реформы сверху, приведшие, в конечном счете, и к освобождению крестьян, и к введению суда присяжных, и к развитию местного самоуправления, и к быстрой индустриализации, и даже к политической демократизации в результате Манифеста 17 октября 1905г. К сожалению, России просто не хватило исторического времени для эволюционного, поступательного развития: к власти пришли самые радикальные реформаторы – большевики, которые оказались единственной политической силой в 17-м году, способной сохранить целостность государства и комплексно его модернизировать. Было бы нелепо отрицать, что при коммунистах в России была проведена индустриализация, не так уж сильно уступавшая многим западным образцам. Каким образом?.. Все тем же – мобилизационным. Ведь механизм политических репрессий, коллективизации и создания ГУЛАГа – это своеобразный акт ограничения государством гражданских прав и свобод не только для сохранения политического господства, но и для мобилизации трудового ресурса внеэкономическими методами, который требовался в огромном количестве для срочной индустриализации страны. Нет необходимости останавливаться на политических оценках этого периода российской государственности, они широко известны, хочу только подчеркнуть, что в советский период российской государственности исторически свойственный ей мобилизационный тип развития, проявил себя именно в такой форме.

Как известно, история не любит сослагательного наклонения, но можно только гадать: устояла ли бы молодая демократическая Россия во Второй мировой войне (если бы она к этому времени была бы демократической)? Смогла ли бы мобилизовать все свои ресурсы, когда под натиском нацизма рухнули почти все европейские демократии? И что было бы с миром, если бы не советский народ, выстоявший и победивший в великой войне, спасший не только себя и свое государство, но и весь мир?

Многие современные исследователи рассматривают историю российской государственности как пример непродуктивности насилия. Согласно этой точке зрения, московские цари все как один были деспотами, их имперские наследники – тиранами, а коммунисты – кровожадными утопистами. Не будем отрицать, что во всем вышесказанном

есть доля истины, ибо в российской истории полно и деспотов, и тиранов, и утопистов. Но не будем столь же опрометчиво забывать вклад России в благосостояние миллионов и даже миллиардов простых людей как россиян, так и представителей других народов. Волна социальной революции, прокатившаяся по России в 1917 году, вынудила многие западноевропейские правительства к реформированию своих общественно-политических систем в направлении развития «государств всеобщего благоденствия». «Русская тропа» вела к развитию и просвещению, пусть и не в самой совершенной форме: все-таки последующие поколения россиян обычно жили лучше, дольше и безопаснее, чем их предки. Признание этого факта вовсе не оправдывает жестокость российских режимов, просто позволяет нам с большим уважением и достоинством всматриваться в свою историю и делает для нас чуть более понятными перипетии исторического пути российского государства. И можно сказать, что феномен России – это особый опыт мировой истории и важнейший элемент культурного богатства всего человечества. В этом смысле Россия больше, чем страна.

Современные вызовы российской государственности.

Как известно, и социалистическая система рухнула, ибо в ней иссяк тот колоссальный объединяющий энергетический потенциал великой социальной идеи и система, в которой отсутствовали механизмы восприятия государством нужд общества и обратной связи между управляемыми и управляющими, привела к 19 августа 1991 года. Россия решила для себя, что ей такая связь необходима. Произошел резкий качественный сдвиг: российское общество вступило в новый этап своего развития. Однако современное российское социально-политическое пространство, хоть и является частью общемирового, все же остается достаточно специфическим феноменом. Выделю только некоторые особенности, значительная доля которых связана с тем, что современный этап развития российской государственности протекает в стране, принципиально неоднородной по своим основным характеристикам. Эти обстоятельства известны, но мало изучены, к ним относятся: многоукладность экономики, необозримое многообразие образов и стилей повседневной жизни, социальных связей, традиций и этнопсихологических стереотипов поведения, поликонфессиональность и полиэтничность, слабая и неравномерная горизонтальная мобильность населения при устойчивых и слабо развитых коммуникациях и информационных потоках, особенно межрегиональных (многие регионы лучше связаны с Москвой, чем с соседними регионами), неоднородность расселения и распределения жизнеобеспечивающих ресурсов, господство экстенсивных и ресурсно-расходных форм труда и производственной деятельности и многое-многое другое. К этому можно добавить еще два, на мой взгляд, важных обстоятельства: различные этносы и различные регионы страны находятся на разных стадиях культурно-исторического и, сле-

довательно, социального развития, для многих из которых привитие отношений, свойственных либеральной демократии весьма проблематично. Конечно, для России во все времена были свойственны колоссальные разрывы в уровне развития различных частей страны. Однако в XXI веке цена таких разрывов становится особенно высокой: в российском микрокосме одновременно существуют и свои башни-близнецы по типу нью-йоркских, и свои пещеры Тора-Бора, в которых вырывают планы уничтожения этих башен-близнецов. В сегодняшних условиях такой разрыв приобретает характер цивилизационного вызова, и неспособность его преодолеть будет представлять серьезную угрозу российской государственности и российскому обществу. Поэтому упования на демократические идеалы гражданского общества в России, на мой взгляд, носят пока достаточно абстрактный характер. Не собираюсь бросать камень в гражданское общество, как это делают сторонники «сильной руки» государственной власти. Но проблема в том, что и либеральная интеллигенция, и политики нередко ожидают от гражданского общества слишком многого. Оно действительно обладает способностью сплачивать людей и поощрять социальную солидарность. Однако солидарность не тождественна демократии. У нас нет убедительных оснований априори приписывать гражданскому обществу ведущую роль в процессах демократизации и считать, что оно по определению и в принципе поддерживает демократию. Окажется ли оно лидером демократического процесса зависит, прежде всего, от институциональных условий, в которых разворачивается гражданская активность и которые могут быть обеспечены только правовым государством [2].

О политике и о будущем.

Нам, россиянам, трудно удержаться от соблазна помечтать о том, как хорошо бы было, «если бы» русская власть не оказалась столь эгоистичной и вместо сохранения и укрепления самодержавия, например, развивала бы демократические институты. Но предаваться таким соблазнам – значит забыть обо всем, о чем шла речь выше. Если мы хотим, чтобы наша страна стала другой, чем была, то целесообразнее размышлять не о том, какой она могла бы быть, а о том, почему она в свое время пошла не по тому пути, по которому нам сегодня хотелось бы, и что с тех пор изменилось. Альтернативы прошлому полезнее искать в настоящем. Прошлое же может помочь только в одном – оно позволяет лучше понять, какие факторы эти альтернативы блокируют, а какие – способствуют их реализации. И поэтому очень важно, что в юбилейный год российской государственности мы говорим не только об истории, но и о политике. А если о политике – то значит о будущем.

Большая проблема современного общественно-го и политического дискурса в России заключается в том, что чаще всего все разговоры о политике сводятся только к поиску исторических примеров, гордости прошлыми успехами и попыткам найти аналогии нынешней ситуации в прошлом. Конечно, мы гордимся своим прошлым, но пора разор-

вать шаблоны постоянного упования только на прошлое и вырваться из замкнутого круга. Пришло время подвести некоторые промежуточные итоги и задуматься о перспективности дальнейшего движения по историческим маршрутам, на которых даже добытые самой дорогой ценой выдающиеся победы российской государственности не страхуют от последующих катастроф.

В условиях глобализации нужно четко знать: куда идет развитие, как управлять территорией нынешней России, как модернизировать Российское государство, чтобы оно было адекватно не только сегодняшнему, но и завтрашнему дню, чтобы оно не исчезло, не распалось, например, по национальным границам, как распался СССР. Эпоха глобализации совсем не сняла проблему внешних агрессий, она их лишь существенно ви-

доизменила. И сегодня вопрос государственности для России остается по-прежнему самым важным. Однако не только такой как «Сохраним Россию в нынешних границах так, как она есть», а с точки зрения создания государства современного, конкурентоспособного и эффективного, такого, чтобы у правительства и граждан не было постоянных опасений, что оно 1) развалится, 2) использует их и обманет, 3) исчезнет или взорвется гражданской войной.

Сегодня России дан исторический шанс – тот самый пресловутый финансовый ресурс, которого катастрофически не хватало на протяжении всего исторического развития. От того, каким образом государство и общество распорядятся этим ресурсом, будет зависеть устойчивость нашего государства в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахиезер А., Клямкин И. и др. История России: конец или новое начало? М., Новое издательство. 2005.
2. Гайнутдинова Л.А. Гражданское общество и процесс глобализации. СПб. Изд-во РХГА. 2009.
3. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М., РОСПЭН., 2006.
4. Зверев А.Г. Записки министра. М.: Политиздат, 1973.
5. Ключевский В. История сословий в России. Петроград. 1918.
6. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн.1, М., Мысль, 1993.
7. Корнилов А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993.
8. Лихачев Д.С. Литература эпохи «Слово о полку Игореве» // Памятники литературы Древней Руси, XVII век. М., 1980.
9. Пайтс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета. 1993.
10. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993.
11. Соловьев С. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989.
12. Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991.